

мифологии, этнографии, истории культуры прискорбным образом сказывается на качестве словаря. Достаточно сравнить "этимологизации" фразеологизмов *божья коровка* (утверждается, что это калька с французского!), *драть как сидорову козу*, куда *Макар телят не гонял* и др. с разысканиями последних лет на стыке мифологии и лингвистики, касающимися тех же речений (в первую очередь с блистательными и поразительными по глубине работами В.Н. Топорова), чтобы убедиться, что словарь Шанского, Зимины и Филиппова предлагает читателю чрезвычайно поверхностный уровень "анализа". Жанр словаря, предполагающий, конечно, некоторое упрощение и схематизацию, оправданием в данном случае служить не может.

Еще несколько "мелких" прилирок, вовсе, впрочем, не исчерпывающих перечень недостатков рецензируемой книги. Ц.-слав. *твердо* (с. 144) не следует писать через *ѣ* (строго говоря, и не через *е*, а *тьрьдо*). Нет никаких оснований слово *лакомый* зачислять в старославянизмы (с. 72): *ла-* в начале слова — нормальная рефлексация акутового *ol* + согл. в восточнославянском. Лат. *alba avis*, приводимое в качестве оригинала русского выражения *белая ворона*, отмечается задолго до Ювенала — еще у Цицерона. Выражение *мертвые души* не идет от названия поэмы Гоголя, а использовано им как устоявшийся юридический термин. Картофель, переработка клубней которого, согласно словарю, стала поводом для возникновения оборота *седьмая вода на киселе*, трансплантирован в Россию, надо думать, существенно позже появления этого фразеологизма. Лат. *ovatio* лучше вести от *ovo* 'ликую', чем от *ovis* 'овца' (с. 149), а выражение *часы ник* предпочтительнее возводить к англо-амер. *peak hours*, чем к франц. *heures de pointes*. Фамилию Этерлей (с. 234) следовало бы исправить на Этерлей и переместить в соответствующее ей по алфавиту место (в библиографии).

Число замечаний может быть умножено, но и из сказанного видно, что научный уровень книги Н.М. Шанского, В.И. Зимины и А.В. Филиппова весьма невысок. Однако, и в этом его несомненное достоинство, рецензируемый словарь в целом адекватно отражает нынешнее состояние исторической фразеологии — дисциплины, до сих пор, за немногими исключениями, остающейся в рамках упрежнений с отчетливым прикусом любительства. Речь здесь идет — должен поправиться — прежде всего с "собств. русск." (как о любой другой "собств.") исторической фразеологии. Исследования же, обращенные к широкому славянскому и внеславянскому лингвистическому, фольклорному, этнографическому и историческому фону, тем самым избегают многих недостатков изоляционистского "моноэтничного" подхода и позволяют делать более глубокие и точные наблюдения над путями формирования фразеологического фонда одного конкретного — в нашем случае русского — языка. Думается, что именно в этом направлении и следует ожидать дальнейшего развития фразеологической этимологии.

А. Ф. Журавлев

Slawistyczne studia językoznawcze. Wrocław etc. 1987.

Сборник посвящен юбилею известного польского ученого, выдающегося слависта наших дней Ф. Славского, труды которого уже давно стали неотъемлемой частью науки. Проф. Ф. Славский обогатил науку интересными идеями, он один из тех, кто участвовал в разработке новых направлений в славистике. Настоящей книгой славистов стал "Этимологический словарь польского языка", первый том которого вышел в 1952 г. Словарь еще не завершен, последние выпуски охватывают лексический материал на букву *L*. Это — принципиально новый тип этимологического словаря, характеризующийся новым подходом к организации лексического материала и перво-степенным вниманием к лексико-словообразовательным единицам языка. С именем Ф. Славского связано еще одно серьезное лексикографическое предприятие — подготовка "Праславянского словаря" (т. I—V: *A — D*). В этом словаре, как и в другом, параллельно создаваемом в Москве "Этимологическом словаре славянских языков",

решается задача реконструкции структуры и состава праславянского лексического фонда. В результате этих исследований праславянский язык предстает во всей своей конкретной реальности.

В сборнике участвуют польские и зарубежные ученые. Статьи (а их в сборнике 80) располагаются в алфавитном порядке. В тематическом отношении сборник весьма разнообразен: здесь и чисто синхронные описания явлений разных языковых уровней, и исследования по диалектологии, ономастике и т.д. Но все же основную часть сборника составляют статьи этимологического характера, статьи, в которых освещаются вопросы исторического словообразования, семантические процессы, значительное место в сборнике отводится праславянской проблематике. Но при всем тематическом разнообразии и широте исследуемого материала прослеживается цельность и внутреннее единство сборника, все статьи которого так или иначе объединяет глубокий интерес к проблемам и тем направлениям славистических исследований, которые стали определяющими для научной деятельности проф. Ф. Славского.

В пределах отведенного нам объема мы лишены возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать все статьи, входящие в сборник. Исходя из наших интересов, мы сосредоточим свое внимание на исследованиях, в которых освещаются вопросы развития праславянского языка, словарный состав, словообразовательная структура праславянского. В центре нашего внимания будут также статьи, предлагающие новые этимологии славянских слов. Для удобства изложения мы попытаемся сгруппировать эти статьи по тематическому принципу.

Актуальная для современной славистики проблема этногенеза, прародины славян освещается в одной из статей сборника. Ее автор Х. Бирнбаум очень кратко обзревает новейшие теории, самые последние исследования, в которых разрабатывается проблема славянской прародины. Решительное несогласие автора вызывает разработанная Маньчаком методика определения степени родства между языками, основу которой составляют количественные подсчеты лексических соответствий в древних текстах, написанных на языках готском, литовском и старославянском. Анализируя и критически оценивая другие теории прародины славян (теории О.Н. Трубачева, Удольфа, Новака), Х. Бирнбаум ставит под сомнение идею дунайской прародины славян.

В сборнике много конкретных этимологических разработок, богатых новыми оригинальными идеями и выполненными на высоком профессиональном уровне. Предлагаемые этимологии не свободны в ряде случаев от трудностей, тем не менее они существенно расширяют и углубляют наше понимание родственных связей в системе праславянского и на уровне индоевропейского праязыка. Попытаемся проанализировать, если и не все, то хотя бы наиболее существенные, с нашей точки зрения, этимологические исследования настоящего сборника.

Статья В. Борьсы посвящена анализу ст.-чакав. *odlek* 'потомство, потомок'. В данной работе, как и во многих других превосходных этимологических исследованиях этого автора, в качестве важнейшего источника славянской лексики используется материал, почерпнутый из северночакавского диалекта сербохорватского языка (говоры Кварнерских островов, Хорватского Приморья и Истрии). Этот диалект сохраняет немало архаичных слов, утраченных другими диалектами сербохорватского языка, нередки случаи, когда именно в этом диалекте автору удается обнаружить семантические архаизмы, неизвестные другим славянским языкам. Анализируя сев.-чакав. *odlek*, В. Борьсы обращается к чакавским рукописям XV в., сочинениям хорватских писателей XVI в., а также документам из Центральной Истрии (XVI—XVII вв.). Обнаруженные в этих источниках слова *odulak*, *odlik* в значении 'потомок, потомство' стали основой для расширения и углубления семантической реконструкции слав. *otylǣkь (~ лит. *likti*, *liekù*, ст.-лит. *liekmì* 'оставлять'), которое в работах Ф. Славского определяется как сев.-слав. термин 'бортничества'. На славянской почве в гнезде с и.-е. корнем **leikʷ-* 'оставлять' наблюдается семантическое развитие в направлении 'оставлять' > 'остаток' и 'часть колоды, улья'. Автор, основываясь на своем материале,

восстанавливает для части славянских диалектов еще одну семантическую филиацию: 'оставлять' > 'остаток' и 'потомок, потомство'. В статье приводятся убедительные доводы в пользу отнесения к тому же гнезду с.-хорв. диал. *lèk* (*lijek*) в функции наречия 'очень мало' (ср. *lijek sira*), словен. *lèk* м.р. 'малость, малое количество', рус. диал. *лек* 'участок хлебного поля; нива' (смол.). И такое понимание внутренней формы ю.-слав. лексем представляется вполне вероятным, во всяком случае оно снимает многие трудности, неясности, которые присутствуют в объяснениях, исходящих из гнезда слав. *lèkь 'лекарство' (ср. ЭССЯ 14, 192—194).

З. Голомб выдвигает идею этимологического тождества слав. *golva и *žely 'черепаха', но при обосновании этой гипотезы вынужден сделать целый ряд допущений, которые согласуются с возможностями праславянского, но в данном конкретном случае оперирование этими возможностями приобретает несколько произвольный характер, поэтому в целом этимологическое построение автора представляется не вполне убедительным. Автор отказывается от традиционной реконструкции исходного корня для балто-слав. *gdūā- в форме *gel- 'нечто округлое' (Pokorný I, 357) или *ghōlu- (ЭССЯ 6, 221). Балто-слав. *gdūā трактуется как прилагательное типа *vdđdi* от *ghelū- (а точнее *gholū-) < и.-е. *ghel- 'зеленый' (ср. слав. *zel-ens*), т.е. название по цвету панциря черепахи. Восстанавливаются следующие звенья семантической эволюции слова: 'панцирь' > 'череп' > 'миска' и 'голова'. В этом факте семантического преобразования усматривается отражение древней ступени материальной культуры, когда в эпоху до гончарного производства панцирь черепахи использовался в качестве посуды. Чтобы преодолеть трудности, возникающие в связи с реконструкцией начального *gh-, З. Голомб прибегает к гипотезе, по которой балто-слав. *gdūā (как и *kārūā) может быть определено как заимствование из языков кентумного типа. Соотнося слав. *golva и *žely, З. Голомб вынужден сделать еще одно допущение, а именно: в случае *žely также имеет место отступление от сатемного отражения начального элемента, и, более того, для этого слова предполагается вторичное развитие *e* в корне по чередованию. Как полагает З. Голомб, в пользу этой гипотезы говорит распространение черепахи в Восточной Европе. Отвергая одну из этимологических версий, согласно которой слав. *golva происходит от *goh (ЭССЯ 6, 221—222), и справедливо отмечая слабые стороны этого истолкования, З. Голомб взамен предлагает гипотезу, которая, возможно, и учитывает особенности архаичной культуры индоевропейцев, но в формальном плане строится по преимуществу на отношениях нерегулярного типа. В результате оказывается, что и.-е. *ghel- 'зеленый' имеет на славянской почве два ряда продолжений: 1. *zel-ens : *zola с характерным для праславянского отражением *gh* > *z* и 2. *golva : *žely с отражением *gh* > *g*, характерным для языков кентумного типа.

Реконструкции этимологического гнезда с корнем *lab- посвящена статья В.Н. Топорова. Анализ сложной и разнородной семантической структуры лит. *lābas* в плане сопоставления с прус., лтш: *lab(a)s* 'хороший, добрый', где налицо универсализация и вытеснение более ранних специализированных значений, позволяет вскрыть динамику семантического развития и на этой основе расширить состав этого гнезда за счет большой группы славянских слов, в остаточном виде сохраняющих следы первоначального значения 'хватать; взятие, захватывание'. В широком культурно-историческом контексте раскрываются глубинные связи слов, далеко отстоящих друг от друга в славянских языках, определяется этимологическая принадлежность таких слов, как рус. *лабу́зье*, *лабуза* и др., название растения, слав. *lobъzati и т.п.

Опыт этимологической и лексико-семантической реконструкции слав. *krosno предлагает О.Н. Трубачев. Критически осмысля известные истолкования слав. *krosno, автор акцентирует внимание на ускользнувших от внимания исследователей таких особенностях значения и употребления слова, которые дают основание для восстановления первичного значения 'навой, вращающаяся часть ткацкого станка' и исходной формы *krosno < *krot-sno < и.-е. *kert-/*kret- 'вращать, крутить'. В итоге для и.-е. *krēlati/*krqtiti восстанавливается более архаичный вариант без назализации гласного в корне.

При определении состава этимологического гнезда слав. *rvati Ж.Ж. Варбот во многом основывается на уже имеющемся опыте осмысления этого слова в одной из работ В. Борысь, пересматривает отдельные положения его гипотезы с учетом закономерностей развития славянской глагольной структуры. Предлагаемая Ж.Ж. Варбот трактовка позволяет в более полном виде представить на славянской почве все возможные реализации основы, возводимой автором к и.-с. **reu-* со значением 'бить, вколачивать'. Характеризуя *rvь как имя, производное от глагола *rvati, *rvajq, развившегося на базе праслав. *rvati, *rvq, автор учитывает действующую в славянских языках модель глагольно-именных отношений типа *rvati, *rvq : *rvь и т.п. В работе убедительно обосновывается принадлежность к гнезду слав. *rvati некоторых изолированных образований — рус. новг. *пбвный* 'чудный, дивный', ст.-рус. *повнее* 'лучше', *повоно* в записи Фенне начала XVII в. Если В. Борысь пытается осмыслить эти образования в гнезде и.-с. **reu-* 'понять, разузнать', к которому принадлежат лат. *puto* 'полагать', слав. *pytati (сюда же чеш. *piditi*'), то Ж.Ж. Варбот, основываясь на наиболее вероятном первичном значении слав. *rvь 'делать или быть крепким, твердым', а также предполагаемом Вальде развития у лат. *puto* значения 'полагать' из древнего 'резать', восстанавливает и.-с. **reu-* со значением 'бить, вколачивать'. Привлекает внимание и истолкование на базе того же гнезда этимологически трудного ст.-слав. (и)спыти 'напрасно'. Определяя структуру и семантику этого слова на фоне славянских глагольных образований с приставкой *iz-* (а точнее **jbz-*), сообщающей глагольной основе значение 'исчерпанности действия', автор толкует (и)спыти как производное с приставкой *jbz-* от имени *rvь, т.е. *jbz-ryti 'напрасно' < 'без надежды, без веры, без основания'. Корневое у объясняется сближением, взаимодействием с *pytati. В связи с этим хотелось бы заметить, что в праславянском имени с приставкой **jbz-*, как правило, являются производными от глагола (ср. материалы ЭССЯ 9, 9 и далее). Именно с учетом этой особенности следует подойти к определению производящей основы для слав. *jbz-ryti. В славянских языках представлен соответствующий глагол с корневым гласным в ступени редукции. Мы имеем в виду упомянутый выше чеш. *piditi*. Именно глагол этой структуры в сочетании с приставкой *jbz-* мог стать исходной базой имени *jbz-ryь. Существует предположение о том, что наречие (и)спыти, занимающее изолированное положение в словарном составе, проникло в болгаро-македонские тексты из западнославянских языков в великоморавский период деятельности первоучителей³.

В другой заметке того же автора предлагается интересный опыт истолкования структуры и семантики ст.-слав. *льподрьвъ* в плане отношения к синонимичному слав. *zьdorъ, образованию с приставкой *zь-*, тождественной др.-инд. *su-* 'хороший'. В хронологическом плане образования сходной структуры оцениваются как пример диахронического варьирования в истории праславянского.

Ф. Копечный возвращается к не раз уже обсуждавшемуся вопросу о генетических истоках предлога *къ*. Признавая древнюю самостоятельность предлога *къ*, соотносимого Э. Бенвенистом с согд. *ku*, он придерживается того мнения, что предлог *къ* не может быть приставкой, но этому утверждению противоречат известные случаи образований с приставкой *къ-*, ср. *къnaditi, *къmьtiti (ЭССЯ 13, 171).

Ш. Ондруш интерпретирует слав. *modrь 'светлый' в плане отношения к *wedrь, основываясь на ларингальной теории и наблюдении Эрхарта о чередовании в индоевропейском *m* : *w*. В целом построения Ш. Ондруша, в которых названное соотношение рассматривается как часть более широкой деривационной парадигмы *H₂ew-g* : *H₂eweg*, *H₂ew-s* : *H₂ewes-* и, следовательно, как одно из звеньев того ряда, который объединяет слав. *modrь, *wedrь, *j-ugь, *vьzъ, лат. *aurora* и т.д., выглядят весьма произвольными. Автор свободно оперирует преобразованиями структуры корня вне времени и вне пространства, что, естественно, делает их в высшей степени гипотетичными и совершенно необидительными.

Предметом изучения И. Дуриданова стала большая группа болгарских образований с корнем *мал-*: *малее*, *от-малея*, *пре-малея* и др. с общим значением 'слабеть, ос-

лабевать'. Приводя доводы фонетического порядка против объяснения *малее ми* из *mdǫlǫti (< *мьдльнъ* 'неуверенный, медленный' с сохранением группы *dl* < *dbl*), автор, с одной стороны, отграничивает названные болгарские образования от форм типа *омлея*, которые считаются родственными рус. *млеть*, а с другой стороны, соотносит те же болгарские слова с рус. диал. *малѣтъ* 'млеть преть, потеть' (нижегор.), 'шалеть, глупеть' (орл.) (Филин 17, 324), словен. *maléti* в выражении *mali mi pred očmi* 'темно в глазах' и выводит их из и.-е. *(*s*)*mol-* (ср. рус. *смола*), т.е. принимает для всей этой группы объяснение, предложенное Ф. Безлаем (Bezljaj II, 163) лишь для словен. слова. Из всего этого рассуждения следует, что диалектно ограниченное *maléti (болг.-словен.-рус. изолекса) унаследовано из и.-е. эпохи. Но в этом объяснении, ориентированном прежде всего на поиски и.-е. соответствий, не использованы в полной мере возможности внутренней реконструкции. Тщательный анализ с привлечением более широкого лексического материала дает основание для сближения, сопоставления рус. *малѣтъ* с такими диалектными словами, как *молáва* и *малáва* 'привидение', *молáвить* и *малáвить* 'казаться, мерещиться' (Филин 17, 317). В другом этимологическом окружении оказывается и словен. *maléti*, если учесть существование параллельной формы *melje* (ср. *melje mi pred očmi*) с другим вокализмом в корне, что и позволяет искать истоки словен. *maléti* в другом гнезде — слав. *melti 'молоть'.

В этимологических исследованиях настоящего сборника тщательная проработка лексического материала сочетается с глубоким знанием литературы, критическим осмыслением разных подходов к истолкованию слова. Широкое привлечение культурно-исторических данных, знание конкретных природных свойств и условий бытования изучаемого объекта создает необходимые предпосылки для предпочтительного выбора того или иного этимологического решения. На основе такого широкого подхода при анализе слав. *sunica/*sunika 'земляника' Х. Шустер-Шевц приводит дополнительные аргументы в пользу первоначальной мотивации этого названия признаком цвета (< и.-е. **k'eun-* 'светящийся, блестящий, ясный (красный)'). Рядом с архаичным словом *sunica/*sunika как вторичные оцениваются в.-луж. *šynica* (гибридная форма, сложившаяся на основе скрещения *sunica и *štoŋce*) и н.-луж. *su(w)nicu*, *sunice* с вставным элементом *u* по типу *sunwus* 'сунуть'.

В. Будзишевской принимается и поддерживается принадлежащая К. Мошинскому реконструкция названия растения *Chelidonium maius* в форме *rosopastь, перв. 'растение, на которое падет роса'. В пользу такого понимания внутренней формы — условия произрастания растения. Это сложное образование со вторым членом — отглагольным именем с суф. *-ь* определяется как наследие праславянской эпохи.

Не вызывает возражений предлагаемое К. Хандке истолкование польск. *zimoredek* как сложения двух слов — *zima* и отглаг. имени с суф. *-ek*, перв. 'птица, которая появляется на свет зимой'. Такое понимание внутренней формы слова опирается на данные орнитологии и анализ действующих в польском языке моделей образования сложных слов.

При реконструкции праславянского лексического фонда особое внимание обращается на архаизмы, ограниченные в своем распространении на славянской территории. К диалектному слою праславянской лексики Т. Шиманский относит болг. родоп. *стор* 'порог', которое, по мысли автора, является единственным славянским продолжением и.-е. **storo-* 'слой' < **ster-* 'простираť'.

В плане развития словарного состава праславянского характеризуется сев.-слав. технический термин **pěŷь'a*. По наблюдениям В. Сендзика, это образование с суф. *-ь'a* (от глагола *pěxati) сложилось в позднепраславянскую эпоху, оно заменило немотивированное, более древнее *pěsta/*pěstь.

Через этимологизацию названия города *Gamzigrad* < *gьmьzьь gordь П. Ивич приходит к реконструкции прилаг. *gьmьzььь (но ср. с.-хорв. *gmáz*, рус. *гомоз*), утраченного сербохорватским языком.

Из других работ на этимологические темы хотелось бы выделить небольшое исследование М. Войтылы-Щевежовской, в котором на основе этнолингвистических, фоль-

клорных данных название праздника — польск. *turzyce*, слов. *turice* — связывается с древними языческими воззрениями славян, с культом тура, животного, жизненно важного в хозяйственной деятельности славян. Интересные соображения приводит И. Речек в пользу иранского происхождения слов. *božnica (< иран. *bagina), служившего обозначением культового сооружения в эпоху до принятия христианства. Полезный этимологический комментарий к польским названиям трав (*pażyc(a)*, *gółka*, *ososz*, *osypka* и т.д.) содержится в статье А. Слупского.

В своих выводах этимология опирается на достижения сравнительно-исторического языкознания, и вместе с тем результатами своих исследований этимология обогащает, расширяет наши представления о системе парадигматических отношений праславянского. Именно с помощью этимологического анализа удается определить, насколько последовательно в разных частях славянской территории и в разных группах слов проявлялось действие тех или иных фонетических закономерностей. В ряде своих последних работ Н.И. Толстой исследует случаи непоследовательного проведения первой палатализации заднебных согласных в славянских языках. Материалом служат звукоподражательные образования, которые, как известно, наиболее устойчивы против регулярных фонетических изменений. В настоящем сборнике Н.И. Толстой обращается к реконструкции этимологического гнезда с корнем **kev-*. В состав гнезда с этим корнем в разной огласовке включаются 1) *kevъkati (с.-хорв. *kĕvĕkati* 'лягать', блр. *kĕvkaцъ* 'мякать' и т.д.) и **čev(ь)kati* (ЭССЯ 4, 100), 2) *kavъkati (блр. *kāvkaцъ* 'каркать', укр. *kāvĕkati* 'кричать', словен. *kāvĕkati* то же и т.д.), 3) блр. диал. *чеўрыць* 'сохнуть, недомогать', *чаўрыльцъ* 'сохнуть, чахнуть' и *кёўляцъ* 'едва дышать (доживать век)', *кёўлець* 'еле жить, едва дышать' и другие образования типа с.-хорв. *чеўрѣати*, *чеўрĕкати* 'болтать, нести вздор'. Как видим, в одном гнезде оказались слова, семантически весьма далеко отстоящие от собственно звукоподражания. И это не должно вызывать удивления, так как известно, что на базе семантики звукообозначения может развиваться семантика действия, состояния, и в результате определенной семантической эволюции утрачивается или затемняется живая связь с первичной основой звукоподражательного происхождения. Осознавая возможность таких семантических преобразований, мы тем не менее допускаем, что для некоторых из названных слов предположение о звукоподражании носит необязательный характер. К таким случаям мы бы отнесли блр. диал. *чеўрыць* (ср. еще рус. диал. *чаврѣтъ* 'чахнуть', укр. *чѣврĕти* то же, болг. диал. *чѣврĕм се* 'нежиться' и т.д.), которое понимается нами как сложение экспрессивной приставки *ča-* и глагола *vrĕti 'кипеть, потеть, усыхать' (см. ЭССЯ 4, 32). Экспрессивный вариант той же глагольной основы с приставкой **ka-/ko-* в рус. диал. *каверитъ* 'болеть, недомогать, кашлять', на русской территории отмечен и вариант с приставкой *sko-*: ср. пск., твер. *заскѣвереть* в значении 'засохнуть, стать жестким от жары, холода, засухи' и производное от него *заскѣверина* 'что-либо засохшее' (Филин 10, 138; 11, 35; 12, 293). На наш взгляд, не имеет звукоподражательной природы и блр. диал. *кёўляцъ* 'слабеть, едва дышать', для которого наиболее вероятно родство с с.-хорв. *кѣвѣти* 'слабеть, чахнуть, страдать' (РСА IX, 41), стар. *is-kaviti* 'искупить страданиями'⁴, апофонический вариант той же основы в ю.-слав. *kujati с общим значением 'дуться, сердиться'⁵. Чтобы определить круг генетически связанных между собой звукоподражательных образований, необходимо провести тщательный анализ материала с проверкой других гипотез происхождения слова особенно в тех случаях, когда это слово уже не является звукоописанием, а обозначает действие или состояние, как это имеет место в приведенных выше примерах.

С помощью этимологического анализа В. Смочинский восстанавливает некоторые закономерности в системе деривационных отношений литовского глагола. В соответствии с устанавливаемой моделью образования глаголов с каузативным значением лит. *laikyti* и соотносимое с ним слов. *lĕčiti определяются как продолжение каузатива *laikītei, образованного при помощи форманта *ī* и чередования *e/o* в корне от балто-слав. **leik-/lĕk-* (< и.-е. **leik²-/lĕk²* 'оставлять'). Таким образом слов. *lĕčiti выводится из числа готских заимствований и соотносится с гнездом и.-е. *loik²os 'остаток' (ср. ислав.

лѣкъ 'остаток'). И хотя по своим чисто формальным признакам слав. *lěctii 'поддерживать жизнь, лечить, исцелять' соответствует модели каузативных образований, семантическая специализация слав. глагола ('оставлять' > 'лечить'), мотивированного перв. **lěka (~ лит. *liekti*, греч. *λεῖλω*), не получает убедительного обоснования, а потому предлагаемая этимология слав. *lěctii при всей своей внешней эффектности едва ли может считаться доказанной. В ряде этимологических заметок В. Смочинский, оставившаяся на отношениях слав. *ogъь: лит. *aikštas*, слав. *ogъь: лат. *ignis*, лит. *ignis*, слав. *ogъьje: лит. *angliai*, слав. *въь: лит. *vinčina*, подробно с фонетической точки зрения анализирует балтийские примеры, которые, строго говоря, не являются точными соответствиями слав. словам. С помощью средств внутренней реконструкции автору удается восстановить некоторые характерные для балтийских языков процессы (утрата безударного суффиксального -и, фонетические преобразования на стыке морфем), которые и обусловили сильную трансформацию исходной формы.

Вопросы исторического словообразования, поиски словообразовательных архаизмов, реконструкция динамики древнейших словообразовательных моделей от праславянского состояния к системе отдельных славянских языковых групп и диалектов и многие другие вопросы занимают большое место в трудах Ф. Славского. Результаты исследований нашли отражение в ряде специальных статей и очерке по словообразованию праславянского языка (*Słownik prasłowiański I—III*). В некоторых статьях настоящего сборника представлена разработка отдельных аспектов словообразования.

Путем этимологического анализа Х. Поповска-Таборская приходит к восстановлению структуры кашуб.-словин. слов *kudjâbel*, *kužâd*, *kusrât*, связанных с обозначением мира демонов и злых духов. По своему происхождению они представляют собой не что иное, как сращение с именными основами предлога *ku*, который в этих образованиях стал выполнять функцию приставки.

Ст. Вархол, продолжая свои исследования именных образований с суф. -*ŕ*, в настоящем сборнике делится мыслями о генезисе и функциях форманта -*ola/-olja* в собственных названиях и апеллативах. Некоторые балто-славянские образования с формантом -*go-* кратко обозреваются Э. Хэмплом в обычной для него форме попутных замечаний.

В сравнительно-исторических исследованиях и специальных работах по словообразованию (ср. *Slawski.—Słownik prasłowiański I, II, III*) большое внимание уделяется производным на -*en-inъ*, -*jan-inъ* и -*it'ъ* (-**itjo-*) в функции этнонимов, племенных названий, названий жителей. Исследуются истоки и эволюция суффиксальных формантов и в функциональном плане, и в плане относительной хронологии'. В. Лубац, изучая генезис славянских патронимических и этнических местных названий, в первую очередь задается вопросом, в какой мере патронимическая и этническая функции были свойственны праславянскому. Основной вывод В. Лубаца сводится к тому, что первоначально образования с названными суффиксами несли в себе идею собирательности, общей принадлежности, в дальнейшем происходит дифференциация значений по признаку 'связь с чем' (> этническая принадлежность) и 'связь с кем' (> патронимы). Вопреки распространенному мнению, автор полагает, что патронимичность не есть категория праславянского. В. Лубац обращает внимание на ареальную противопоставленность образований на -*ov*, -*in*, -*an/ci* (современная Венгрия, прилегающие области Украины, Словакия) и -*itъь*, связывая оппозицию суффиксов с разными волнами славянских миграций.

В этимологических исследованиях последних десятилетий все больше осознается необходимость тщательного изучения лексико-семантических процессов. Ведутся работы по реконструкции семантической истории слова, выявлению типичных, повторяющихся взаимосвязей значений в родственных и неродственных языках.

Полезны и ценны конкретные семантические исследования, содержащиеся в рецензируемом сборнике. Я. Пузынина, основываясь в первую очередь на данных польского языка, выделяет следующие основные этапы в семантическом развитии праслав. *klamati: 1. 'качать, колыхать' > 'вызывать неустойчивое состояние' > 'неудачно шутить' > 'издеваться, насмеяться' > 2. 'вводить в заблуждение, говорить неправду, обманывать, лгать'. Автор особо подчеркивает, что в этической системе христианства насмеш-

ка, издевательство не несли в себе того отрицательного смысла, которое содержалось в понятии *klamstwo* 'вранье, ложь', связываемом с действием сатаны. Автор считает, что развитие семантики в направлении 'лгать' предопределено целым рядом моментов, в том числе стилистическими особенностями, жанровой спецификой текста и т.п. В подтверждении мысли автора о взаимосвязи значений 'качать' > 'лгать' можно привести в качестве семантической параллели слав. *maniti 'манить, привлекать, обманывать', родственное глаголам *majati и *tachati. Для слав. *maniti по существу восстанавливается та же линия семантического развития, но без характерного для зап.-слав. языков (чеш., польск.) сдвига в сторону значения 'издевательство, насмешка', а именно 'качать, кивать' > 'привлекать, манить; делать обманные движения' > 'вводить в заблуждение, обманывать' (ЭССЯ 17, 197). Предлагаемая автором семантическая реконструкция решительно расходится с тем толкованием (ЭССЯ 9, 183), которое опирается на устойчиво повторяющиеся значения 'качать, шатать(ся)', 'сидеть согнувшись' и типологию образования значения 'лгать' (праслав. *lgati < и.-е. **leug-* 'лгать'). Думается, что трудности при реконструкции семантической эволюции слав. *klamati связаны с неясностью исходной основы. Я. Пузынина не касается этого вопроса, в центре ее внимания семантические процессы преимущественно в польском и зап.-слав. языках.

На широком славянском фоне Е. Русек прослеживает семантическую историю болг.-макед. *грижа*, засвидетельствованного в памятниках письменности лишь с середины XIV в. Как показывает автор, разные факторы предопределили широкий диапазон семантических филиаций, при этом учитываются значение мотивирующего глагола *gryzti, данные румынского языка, куда это слово попало путем заимствования, место в кругу синонимичных образований, для древнего периода особенно важно отношение *грижа* и *печаль*, *нештиса* 'заботиться'. Путем такого всестороннего сопоставительного анализа автору удастся выявить наиболее полно основные моменты семантического развития *грижа*, определить значения, утраченные болгарским языком (ср. значение 'печаль, духовные страдания').

Предметом исследования Б. Конеского стали переносные значения, которые развиваются у слав. *griva в разных частях славянского мира. Процесс метафоризации протекает, как показывает автор, индивидуально, лишь в единичных случаях в разных регионах наблюдаются совпадения переносных значений: ср. с.-хорв., укр. диал. *грива* 'коса между двумя откосами' и словен., с.-хорв. (Далмация) 'межа'.

Статья А. Младеновича дает пример системного подхода к историческому анализу слова. С.-хорв. *žarmi* (< *žarъ*) предстает как результат фонетического сближения, семантического взаимодействия с синонимичными словами *сrn* (< *ѣрънь*), *ѣрътьль*.

Для решения задачи реконструкции праславянского лексического фонда используются, как известно, самые разнообразны источники. Одним из таких источников является ономастика. К. Рымут приводит интересный материал, наглядно показывающий, как много может дать для восполнения лексического лакуна изучение старопольской антропонимики и шире — ономастики. Многие личные имена и местные названия, зафиксированные в старопольских памятниках, позволяют расширить состав и географию праславянских слов, реконструируемых в ЭССЯ и "Праславянском словаре". Именно в старопольском ономастике автор находит подтверждения для праслав. *drba, *charъь, *xoliti, *dromiti, **drol'a* и т.д. Нередки случаи сохранения в топонимике слов, утраченных или слабо засвидетельствованных в языке. Как показывает исследование Х. Борека, прилаг. *syru*, характеризующее в основном периферийные поморские говоры, находит отражение в польской топонимике и прежде всего в силезских названиях *Syrynia*, *Syrynka*, а редко встречающаяся параллельная форма прилаг. *serowy/syrowy* удостоверяется топонимическими названиями из восточной Польши. Важные сведения по истории слов содержат старые словари. Т. Орлош анализирует орнитологическую лексику словаря Лодерцекера (1605 г.). Для сравнительного изучения орнитологической терминологии применительно к эпохе начала XVI в. очень важно, что в этом словаре в соответствии с латинскими терминами приводятся названия птиц из польского, чешского, сербохорватского языков.

В пределах отведенного нам объема мы лишены возможности осветить многие другие аспекты этого сборника. Сборник охватывает широкий круг славистических проблем, весьма актуальных для современной науки. В разработке поставленных проблем принимают участие известные ученые, слависты разных стран. Сборник, несомненно, привлечет к себе внимание широкой научной общественности.

Л. В. Куркина

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ślawski F.* Prastary pólnocnosłowiański termin bartniczy *otъ-lěkъ* 'głowa barci' // *Zb. za filologiju i lingvistiku IV—V.* Novi Sad, 1961—1962. 304—312, *Ślawski II.* 196—198 (s.v. *kleczyć*).
- ² *Трубачев О. Н.* Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии 48—52) // *Этимология* 1972. М., 1974. 31—32.
- ³ См. подробнее о функционировании (и)спыти в других памятниках и истории изучения этого слова в кн.: *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. 30 и след.
- ⁴ *Matić T.* Lexicalia iz starih hrvatskih pisaca // *Rad JAZU*, knj. 315. Zagreb, 1957. 40.
- ⁵ *Куркина Л. В.* Южнославянские этимологии // *Этимология* 1982. М., 1985. 13—16.
- ⁶ *Warchol St.* W sprawie genezy i funkcji sufiksu *-ula* w słowiańskich nazwach osobowych i apelatywach // *Z polskich studiów slawistycznych.* Seria 3. Językoznawstwo. W-wa, 1968. 55—63.
- ⁷ См. из последних работ: *Трубачев О. Н.* Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на **ǫnъ*, **-janъ* // *Этимология* 1980. М., 1982. 3—15; *Moszyński L.* Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych // *Etnogeneza i topogeneza Słowian.* Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Slawistyczną przy oddziale PAN w Poznaniu w dniach 8—9. XII, 1978. Warszawa; Poznań, 1980. 65—74.

Кари Лиукконен. Восточнославянские отглагольные существительные на *-m*.
I. Существительные на **-mъ/*-ma/*-mo*. Хельсинки, 1987 (= *Slavica Helsingiensia* 5).

Книга К. Лиукконена посвящена словообразовательно-этимологическому исследованию восточнославянской лексики. Этот аспект изучения славянского словарного состава является в настоящее время одним из наиболее актуальных, что определяется возрастающими требованиями в отношении четкости и строгости анализа структуры слова в этимологической практике и необходимостью пополнения сведений об историческом словообразовании путем привлечения нового этимологического материала.

Автором избраны именные отглагольные суффиксальные модели с опорным элементом *-m*. Наиболее распространенные и известные модели с суф. *-m* предполагается рассмотреть во II томе (см. стр. II). Данный том посвящен группе имен, менее изученной и более трудной для анализа, — отглагольным существительным на **-mъ/*-ma/*-mo*. Автор не совсем точен, когда утверждает, что "на наличие в славянских языках группы отглагольных имен с словообразовательной структурой консонантная основа + суффиксальное м (в двух ... случаях также с структурой вокалическая (раньше дифтонгическая) основа + суффиксальное м ...) никто, насколько нам известно, до сих пор не обращал внимания" (с. 5—6, разрядка и подчеркивание принадлежат автору монографии. Ж.В.), поскольку именно как производные от глагольных корней (или основ) толковались уже, например, **kosmъ/*kosma*, **žumъ*, **pismo¹*, **kьrmъ/*kьrma* 'пища' (Berneker I, 668—669), **kьrma* (Фасмер II, 329), **skormъ/a²*, **česъmъ* (Berneker I, 151), **kьlta/*kьlto* (ЭССЯ 13, 188—189) и некоторые другие лексемы, упоминаемые автором. Заслугой автора является, следовательно, прежде всего не обнаружение самого факта отглагольности ряда славянских имен с суф. *-m* и корнями на согласный или

13. *Этимология*